

ДЕТСКО-ПОДРОСТКОВАЯ ПСИХИАТРИЯ

УДК 616.89-008.444-9:343.615.1:178.8:616.89-008.441.44-053.6

Для цитирования: Григорьева А.А. Характеристика подростков с риском самоповреждающего поведения и употребления психоактивных веществ. *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*. 2019; 2 (103): 32–40. [https://doi.org/10.26617/1810-3111-2019-2\(103\)-32-40](https://doi.org/10.26617/1810-3111-2019-2(103)-32-40)

Характеристика подростков с риском самоповреждающего поведения и употребления психоактивных веществ

Григорьева А.А.

*Национальный научный центр наркологии – Филиал ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России
Россия, 119034, Москва, Кропоткинский пер., д. 23*

РЕЗЮМЕ

В статье представлены эпидемиологические данные, отражающие значимость проблемы аутоагрессивного поведения в подростковом возрасте. Рассматриваются основные характеристики самоповреждающего поведения подростков, связанного с употреблением психоактивных веществ, полученные по результатам эмпирического исследования, проводившегося в общеобразовательных школах Московской области. **Цель** проводимого исследования – выявление и характеристика групп риска подростков с аутоагрессивным поведением. В исследовании участвовали 2 085 учащихся в возрасте от 10 до 18 лет. На основании данных однофакторного и многофакторного дисперсионного анализа получены значимые различия в характеристиках аутоагрессивного поведения подростков разных возрастных групп. На основании статистических данных выделены гендерные особенности разных видов аутоагрессивного поведения подростков. Показано, что риск употребления психоактивных веществ, а также проявление интереса и/или осведомленности подростков в данной теме сочетаются с увеличением рисков самоповреждающего и суицидального поведения. Были выявлены группы подростков с рисками самоповреждающего, суицидального поведения и употребления психоактивных веществ. Показаны различия в семейном анамнезе подростков групп риска. В каждой пятой семье у подростков групп риска присутствовали разные виды аутоагрессивного поведения, среди которых суицидальное поведение, употребление алкоголя и наркотических веществ. Выявлена роль алкоголя как фактора самоповреждающего и суицидального поведения подростков. Показана значимая роль употребления психоактивных веществ как среди самих подростков, так и среди их родителей, что статистически значимо отличает их от группы нормы.

Ключевые слова: самоповреждающее поведение, аутоагрессивное поведение, употребление психоактивных веществ, подростки, суицидальный риск, гендерные особенности, возрастные особенности.

ВВЕДЕНИЕ

Подростковый возраст наиболее чувствителен к формированию различных форм аутоагрессии, к которым относятся самоповреждающее (суицидальное и несуйцидальное) поведение, употребление психоактивных веществ, рискованное поведение. Наиболее социально значимыми с учетом распространенности и прогностической ценности являются проблемы самоповреждающего поведения (СПП) и употребления психоактивных веществ (ПАВ). При этом последняя может выступать как в качестве варианта аутоагрессивного поведения, так и самостоятельной наркологической проблемы [1, 2]. По данным ряда исследований, СПП и употребление ПАВ имеют общие патогенетические и патофизиологические механизмы, что делает актуальным их совместное изучение [3, 4, 5, 6].

Об уязвимости именно подросткового возраста свидетельствует частота встречаемости СПП, составляющая, по данным разных источников, 8,8–16,6%, что в несколько раз превышает показатели у взрослых (1–4%) [7, 8]. Наряду с этим процент подростков (11–24 года), употребляющих ПАВ, составляет: 68,1% – употребляют алкоголь и курят, 13,3% – употребляют наркотики [9, 10]. Если для возраста 13 лет употребление ПАВ не превышает 7–14%, то к 16 годам достигает уже 24–41% [11].

При этом среди подростков с СПП процент употребляющих ПАВ в 4 раза превышает популяционные показатели [12]. Подростки, употребляющие ПАВ, имеют повышенный риск СПП, при этом показано, что чем раньше начинается употребление веществ, тем выше этот риск [13].

Описывается, что помимо возрастной специфики выбор вида аутоагрессивного поведения обусловлен гендерными особенностями [14, 15, 16, 17]. Сообщается, что для мальчиков специфичным выбором являются самоожоги, «сковыривание болячек», для девочек – расцарапывание кожи, выдергивание волос [18]. Известно также, что в возрасте 14–15 лет суицидальное поведение (СЦП) как у девушек, так и юношей проявляется с одинаковой частотой. В то же время после 15 лет преобладает доля суицидальных попыток среди девушек [19, 20]. По данным зарубежных исследований, девочки сообщают о большем употреблении алкоголя, чем мальчики, и о более высоких показателях курения сигарет, при этом мальчики употребляют больше марихуаны в сравнении с девочками [11]. Приводимые эпидемиологические показатели определяют целесообразность и значимость исследования гендерных и возрастных особенностей самоповреждающего поведения и персонализированного подбора интервенций, направленных на профилактику с учетом специфики пола и возраста подростков групп риска.

Отсутствие комплексных психопрофилактических программ, направленных на выявление и снижение процента лиц с аутоагрессивными тенденциями, связано с рядом трудностей. Первая из которых – многофакторность причин, приводящих к появлению аутоагрессивного поведения, среди них выделяют макро- и микросоциальное окружение, наличие психопатологической симптоматики как у самих подростков, так и у их родителей. Другой проблемой является подростковый возраст, с точки зрения выраженности патохарактерологических проявлений (протестное поведение, аффективная неустойчивость и т.д.) ограничивающий выбор скрининговых методик и видов профилактических воздействий. Третья сложность заключается в отсутствии достаточного количества эмпирических, популяционных исследований с привлечением больших выборок обследованных [6, 21] при одновременно большом количестве научных данных, собранных на клиническом материале.

Проведенное собственное исследование на базе общеобразовательных школ Московской области позволило выявить подростков группы риска с аутоагрессивным поведением, включая самоповреждающее (суицидальное и несуйцидальное) поведение и употребление ПАВ.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выявление дифференцированных групп риска подростков с самоповреждающим и суицидальным поведением, связанным с употреблением ПАВ.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В период с 2018 по 2019 г. обследовано 2 025 подростков – учащихся 25 общеобразовательных школ в возрасте от 10 до 18 лет (6–11-й классы), среди них 1 010 мальчиков, 967 девочек, 48 человек пол не указали. Обследование проходило анонимно. Подросткам предлагалось самостоятельно ответить на вопросы трех психометрических опросников.

Методика модификации тела и самоповреждения [18]. Анкета предназначена для выявления отношения к модификациям тела (татуировки, шрамирование, пирсинг) и самоповреждениям (повреждение тканей тела, суицидальные попытки, употребление ПАВ).

Опросник для определения риска суицида «Суицидальная личность-19». Данная методика констатирует начальный уровень склонности личности к суициду на момент обследования. Используется анкета, включающая социально-демографические данные по параметрам: «возраст», «пол», «семейное положение», «количество человек в семье», «вероисповедание», «собственная/съемная квартира», «отдельная комната», «проживание с прародителями», «материальное положение», «случаи суицидов в семье», «злоупотребление алкоголем», «злоупотребление наркотиками», «случаи насилия в семье», «частота конфликтов в семье».

«Экспресс-тест на выявление интереса, осведомленности и отношения подростков к употреблению ПАВ». Позволяет выявить интерес (пассивный и активный), отношение (тревожное, положительное, отрицательное) и осведомленность в теме ПАВ. Метод разработан специалистами НМИЦПН им. В.П. Сербского на основе качественного анализа описаний подростками опыта употребления ПАВ.

Для статистической обработки эмпирических данных использовали программу SPSS-17, непараметрический критерий Краскела–Уоллиса, однофакторный и многофакторный дисперсионный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Социально-демографические характеристики общей выборки

Средний возраст обследуемых подростков составил 14 ± 4 года. Среднее количество членов семьи, в которых проживают подростки, – 4 человека. Среди всех обследуемых ($n=2\,025$) преобладали подростки из полных семей (71%), 26% – из неполных, 3% – данные о семье не указали. Аутоагрессивное и агрессивное поведение среди членов семьи выявлено в 23,85%

случаев, из них 348 (76%) – семьи, где родители употребляют алкоголь, 28 (13%) случаев – употребляют наркотики, 46 (10%) – случаи суицида среди родителей, 61 (13%) – случаи насилия в семье. По вероисповеданию получено следующее распределение: 1229 – православие, 52 – ислам, католицизм – 3, иудаизм – 4, иная вера – 86 человек. Не указали отношения к какой-либо религиозной конфессии 398 человек. Уровень дохода на одного человека в месяц составил: менее 10 000 рублей – 586 человек, от 10 000 до 20 000 рублей – 889 человек, более 20 000 рублей – 342 человека. Проживают в стесненных жилищных условиях, в одной комнате с родителями или прародителями – 446 человек, 1 544 подростка имеют отдельную комнату, 35 человек данные не предоставили.

Возрастные и гендерные различия проявлений у подростков самоповреждающего поведения и употребления психоактивных веществ

Анализ полученных данных на общей выборке подростков (n=2 025) в возрастном аспекте позволил выявить различия в группах подростков 10–11, 12–15 и 16–18 лет по проявлениям аутоагрессивного поведения. По сравнению с двумя другими группами для подростков 10–11 лет характерны высокие значения переменных, отражающих уровень тревожного (p=0,000) и отрицательного (p=0,045) отношения к ПАВ. Для несовершеннолетних 12–15 лет свойственны высокие показатели риска суицида (p=0,002), при этом в группах 10–11 и 12–15 лет выявлены схожие показатели позитивного отношения к модификациям. Группа подростков 16–18 лет отличается высокими значениями позитивного отношения к модификациям тела (p=0,002), активного интереса к ПАВ (p=0,000), при этом высокой осведомленностью о ПАВ (p=0,000), готовностью к пробе ПАВ (p=0,000), интересом к наркотикам (p=0,000) (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Возрастные различия в проявлениях риска самоповреждающего, суицидального поведения и употребления ПАВ у подростков*

Вид аутоагрессивного поведения	Подростки 10–11 лет	Подростки 12–15 лет	Подростки 16–17 лет	p
Позитивное отношение к самоповреждению	34,4	41	44,5	p=0,000
Суицидальный риск	1,78	2,86	2,42	p=0,000
Интерес к ПАВ	6,03	7,96	10,22	p=0,000
Употребление ПАВ (алкоголь)	3,1	17,1	35	p=0,000
Употребление ПАВ (табак)	3,1	4,5	10,4	p=0,000

П р и м е ч а н и е. * – Непараметрический критерий Краскела–Уоллиса и однофакторный дисперсионный анализ (%).

Анализ гендерных особенностей показал, что на протяжении всех возрастных периодов отмечаются значимые гендерные различия, проявляющиеся в повышенном интересе девочек к употреблению ПАВ (p=0,000). Сходную динамику можно наблюдать и в случае с СПП, при котором девочки обнаруживают наибольшую заинтересованность и позитивное отношение к модификациям тела. Положительное отношение и интерес к СПП повышается в 16–

18 лет в обеих гендерных группах (p=0,002), но наиболее выражен у девочек в сопоставлении с мальчиками (p=0,001). Суицидальный риск у девочек также наиболее выражен по сравнению с мальчиками, наибольшие значения отмечаются в возрасте 12–15 лет (3,29; p=0,001). В группе девушек 16–18 лет показатель суицидального риска снижается (3,0; p=0,001), в то время как у мальчиков, напротив, возрастает (табл.2).

Т а б л и ц а 2

Гендерные особенности самоповреждающего поведения и употребления ПАВ у подростков

Вид самоповреждающего поведения	p	Возраст юношей, лет			Возраст девушек, лет		
		10–11	12–15	16–18	10–11	12–15	16–18
СЦП	0,012	1,31	2,49	1,59	2,25	3,29	3,03
СПП. Позитивное отношение	0,001	0,81	0,86	0,94	1,18	1,16	1,48
СПП	0,010	2,43	3,18	2,97	2,87	3,95	4,34
ПАВ. Активный интерес	0,000	2	3,03	4,30	3,81	4,55	5,55

Особенности подростков группы риска с самоповреждающим поведением и употреблением психоактивных веществ

Общая выборка делилась на контрольную группу и группы риска в соответствии с преобладающим видом аутоагрессивного поведения.

Для формирования контрольной группы и групп риска отбирались значения по выборке обследуемых с использованием верхнего квартиля (процентили свыше и ниже 75%) по шкалам Экспресс-теста ПАВ «Активный интерес к ПАВ», «Положительное отношение к ПАВ», итоговый балл по тесту «Суицидальная личность-19», а также положительные и отрицательные ответы на вопросы Методики модификации тела и самоповреждения: «Вы курите?», «Иногда Вы употребляете алкогольные напитки?», «Пробовали ли Вы наркотические вещества?»), а также вопросы относительно самостоятельного нанесения модификаций тела.

Респонденты, не набравшие баллов ни по одному из вопросов, касающихся СПП или употребления ПАВ (по методу Н.А. Польской [2007]), а также получившие результаты ниже 75

квартилей по тестам СЛ-19 и «Экспресс-тест ПАВ» составили группу контроля (553 человека). Подростки, набравшие свыше 75 квартилей (СЛ-19 и «Экспресс-тест ПАВ»), а также давшие положительные ответы на вопросы, касающиеся СПП и употребления ПАВ (по методу Н.А. Польской), были включены в группы риска: «подростки с суицидальным поведением» (130 человек), «подростки с самоповреждающим поведением» (142 человека), «подростки с употреблением ПАВ» (159 человек). Несмотря на выделение групп по преобладающим признакам, каждая из них включает в себя другие виды аутоагрессивного поведения. Мономодальные виды аутоагрессивного поведения, не пересекающиеся с другими видами, выявлены в незначительном числе случаев. Критерии распределения по группам представлены в таблице 3.

Т а б л и ц а 3

Критерии групп риска у подростков

Группа риска	Методы	Кол-во чел
СПП	Методика модификации тела (МТ) и самоповреждения: Наличие единичного положительного ответа на вопрос относительно МТ (+). Наличие более двух видов МТ, наносимых самостоятельно	142
СЦП	1) «Суицидальная личность-19»: Процентили свыше 75% итогового балла по тесту. 2) Методика модификации тела и самоповреждения: Положительный ответ на вопрос «Были ли в Вашей жизни ситуации, когда Вы собирались «свести счеты с жизнью»	130
ПАВ	1) «Экспресс-тест ПАВ»: процентили свыше 75% по шкалам «Активный интерес к ПАВ», «Положительное отношение к ПАВ». 2) Методика модификации тела и самоповреждения: положительный ответ на вопросы: «Вы курите?», «Иногда Вы употребляете алкогольные напитки?», «Пробовали ли Вы наркотические вещества?»	159

В среднем процент групп риска от общей выборки составил 7% по каждому виду аутоагрессивного поведения. Контрольная группа, не включающая ни один из показателей групп риска, составила 553 человека. В группу контроля были включены преимущественно мальчики. Средний возраст группы составил 14 лет. Подростки данной группы преимущественно имеют полные семьи, хорошие жилищные условия, низкий уровень конфликтов в семье.

Анамнестические данные семей подростков, попавших в группы риска, так же имеют отличия (табл. 4).

Группа подростков с рисками употребления ПАВ оказалась самой многочисленной. Средний возраст подростков данной группы выше, чем в других, и составляет 15 лет. Подростки данной группы характеризуются низким количеством конфликтов в семье, низким показателем семейного насилия и употребления родителями ПАВ (по сравнению с другими группами

риска). В семьях подростков с рисками употребления ПАВ отмечен только один факт суицида среди родителей. Уровень дохода семей так же выше, чем в других группах.

Группа подростков с рисками СПП отличается ростом показателей употребления алкоголя в семье, количеством случаев насилия и суицида среди родственников, повышенной конфликтностью в семьях по сравнению с другими группами.

Самые неблагоприятные социально-демографические характеристики обнаружены в группе риска детей с суицидальными интенциями. Данную группу преимущественно составляют девочки (72%). Средний возраст группы риска 14 лет. В семьях отмечается наиболее высокий показатель по употреблению ПАВ, в особенности алкоголя (39%), по сравнению с другими группами. Отмечается высокий процент случаев насилия в семье (14,6%). Процент семей со случаями суицида в семей-

ном анамнезе у подростков с высоким суицидальным риском составил 9,2%. Обнаружены плохие жилищные условия у подростков: лишь

менее половины из них имеют собственную комнату.

Т а б л и ц а 4

Социодемографические характеристики подростков группы риска

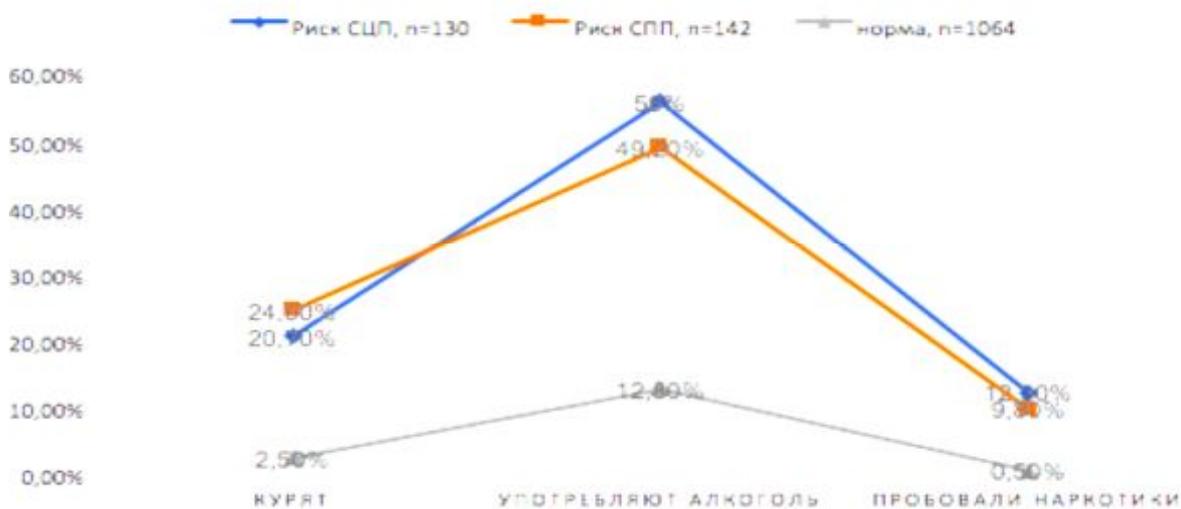
Социодемографическая характеристика подростков	СЦП (n=130)	СПП (n=142)	ПАВ (n=159)	Норма (n=553)
Средний возраст	14,3	14,7	15,3	14±3
Мальчики	28% (37)	35% (51)	32% (51)	63% (351)
Девочки	72% (94)	63% (90)	67% (107)	35% (194)
Отдельная комната (есть/нет)	45%/25% (59/33)	69%/28% (98/41)	73%/26% (117/42)	80%/18% (444/102)
Полная семья	60% (79)	63% (90)	63% (99)	77% (428)
Неполная семья	38% (50)	33% (48)	34% (55)	21% (117)
Уровень дохода в месяц на 1 человека: ≤10 тысяч/10–20 тысяч/≥20 тысяч	30%/46%/15% (40/60/20)	29%/45%/19% (42/64/27)	27%/49%/15% 44/79/24	29%/45%/15% 162/250/85
Верят в бога	44,60% (58)	52%(74)	57,20% (91)	79% (441)
Случаи суицида в семье	9,20% (12)	9,10% (13)	1% (3)	0,50% (3)
Употребление алкоголя в семье	39% (51)	26% (37)	17,60% (55)	8,40% (47)
Употребление наркотиков в семье	6,90% (9)	5,60% (8)	1,80% (10)	0,50% (3)
Насилие в семье	14,60% (19)	6,30% (9)	2,50% (11)	0,70% (4)
Конфликты 3–5 раз в неделю	27% (35)	35,20% (50)	6,90% (5)	2,50% (14)

Интересный факт получен в сравнении анкетных данных подростков групп риска при ответе на вопрос «Верите ли Вы в Бога?». Выявлены различия в выраженности фактора «вера в бога» в разных группах: в группе контроля наибольшая доля подростков (79%) дает положительный ответ («Да, верю»); в группе с суицидальными рисками, напротив, наименьшее количество (44,5%).

Все три группы риска (СПП, ПАВ, СЦП) отличаются рядом общих характеристик: в группах преобладают девочки, 1/3 семей имеют не-

полный состав, всем семьям свойствен отягощенный аутоагрессивными видами поведения анамнез, зарегистрирован высокий процент семей, в которых родители подростков употребляют алкоголь.

Употребление ПАВ рассматривалось нами не только как самостоятельная характеристика группы риска подростков с аутоагрессивным поведением, но и как самостоятельный тип поведения, сопровождающий самоповреждающее, суицидальное и нормативное поведение.

Р и с у н о к 1. Структура потребления ПАВ подростками групп риска СПП и СЦП по сравнению с нормой

В общей выборке (n=2 025) обследованных была определена структура потребителей ПАВ, ее составили: 118 подростков, использующих табакокурение, 419 употребляющих алкоголь, 48 пробовавших наркотики. Структура потребления ПАВ выделена также в двух группах риска: с самоповреждающим поведением и суицидальным поведением. Из числа опрошенных подростков группы риска самоповреждающего поведения ответили, что курят – 35 человек, употребляют алкоголь – 70, пробовали наркотические вещества – 14. В группе подростков с суицидальным риском 27 человек дали ответ, что курят, 73 употребляют алкоголь, 16 отмечают употребление наркотиков (рис. 1).

У детей групп риска СПП и СЦП по сравнению с группой «нормы» (в которой не выявлено рисков самоповреждения и суицида) следует отметить значительное повышение интереса ко всем психоактивным веществам: табак, алкоголь, наркотики. И в группе подростков с суицидальным риском, и в группе с риском самоповреждения распределение по видам психоактивных веществ оказалось аналогичным, с выраженным преобладанием употребления алкоголя. Как в одной, так и в другой группе риска употребление алкоголя отмечает половина респондентов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проявления аутоагрессивного поведения у подростков отличаются полиморфным характером. Об этом свидетельствуют высокие показатели употребления ПАВ, а также выраженный интерес и осведомленность в данной тематике, сочетающиеся с увеличением рисков прямого самоповреждающего и суицидального поведения. Активный интерес и компетентность в тематике употребления психоактивных веществ возрастает с 10 до 18 лет. Немаловажную роль играет так же и такой фактор, как аутоагрессивное поведение родителей подростков. Специфика групп риска во многом связана с возрастными и гендерными особенностями.

Риски проявления разных видов аутоагрессивного поведения в возрастные периоды 10–11, 12–15 и 16–18 лет у девочек отличаются. Склонность к самоповреждению тела, так же как и к употреблению психоактивных веществ, у девочек более выражена, чем у мальчиков. Девочки с наибольшей вероятностью попадают в группу риска развития разных видов аутоагрессивного поведения.

Среди подростков групп риска с СПП и СЦП отмечается значимая роль употребления ПАВ как среди самих подростков, так и среди их родителей, что статистически значимо отличает их от группы нормы. Подростки с суицидальными интенциями отличаются отягощенным аутоагрессивными фактами семейным анамнезом и снижением проективного нравственно-духовного фактора. Употребление ПАВ родителями подростков выступает в роли наиболее выраженного внешнего фактора, характеризующего группу риска.

Прямые аутоагрессивные интенции среди подростков подготавливаются как внутри семьи в рамках косвенного самоповреждающего поведения родителей, проявляющегося в употреблении психоактивных веществ, так и подкрепляются аутоагрессивным выбором подростков, выражающимся в употреблении психоактивных веществ. Наиболее значимую роль в структуре наркопотребления играет алкоголь, выступая как значимая характеристика не только для родителей, но и для самих подростков группы риска с самоповреждающим и суицидальным поведением.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии возможных конфликтов интересов в связи с публикацией данной статьи.

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ

Автор подтверждает отсутствие финансирования и спонсорской поддержки при проведении исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьева А.А., Булыгина В.Г., Афонина Ю.С. Взаимосвязь самоповреждающего поведения и употребления психоактивных веществ подростками (обзор литературы). *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*. 2018; 4 (101): 98–104. [https://doi.org/10.26617/1810-3111-2018-4\(101\)-98-104](https://doi.org/10.26617/1810-3111-2018-4(101)-98-104)
2. Григорьева А.А., Корчагина Г.А. Суицидальное поведение, спровоцированное употреблением психоактивных веществ. *Вопросы наркологии*. 2017; 6: 53–55.
3. Moran P., Coffey C., Romaniuk H., Degenhardt L., Borschmann R., Patton G.C. Substance use in adulthood following adolescent self-harm: a population-based cohort study. *Acta Psychiatr Scand*. 2015; 131(1): 61–68. <https://doi.org/10.1111/acps.12306>
4. Шустов Д.И. Аутоагрессия и самоубийство при алкогольной зависимости: клиника и психотерапия. СПб.: СпецЛит, 2016: 207.
5. Kaminer Y. et al. (ed.). Youth substance disorders. Washington (D.C.): American Psychiatric Pub, 2015: 133.

6. Chapman A.L., Gratz K.L., Brown M.Z. Solving the puzzle of deliberate self-harm: The experiential avoidance model. *Behavior Research and Therapy*. 2006; 44(3): 371–394. <https://doi.org/10.1016/j.brat.2005.03.005>
7. Hilt L.M., Hilt L.M., Nock M.K., Lloyd-Richardson E.E., Prinstein M.J. Longitudinal study of nonsuicidal self-injury among young adolescents: Rates, correlates, and preliminary test of an interpersonal model. *The Journal of Early Adolescence*. 2008; 28(3): 455–469. <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0272431608316604>
8. Nock M.K., Joiner Jr.T.E., Gordon K.H., Lloyd-Richardson E., Prinstein M.J. Non-suicidal self-injury among adolescents: Diagnostic correlates and relation to suicide attempts. *Psychiatry Research*. 2006; 144(1): 65–72. doi:10.1016/j.psychres.2006.05.010
9. Дроздецкая И.А. Результаты исследования по выявлению уровня девиаций среди младших подростков общеобразовательных школ. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2011; 10(112): 157–161.
10. Федорова Н.Н., Болотников И.Ю. Эпидемиологическое исследование вредных привычек у студенческой молодежи. *Вестник Астраханского государственного технического университета*. 2007; 1(36): 200–202. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/epidemiologicheskoe-issledovanie-vrednyh-privyчек-u-studencheskoy-molodezhi> (дата обращения: 18.03.2019).
11. Mason M., Mennis J., Way T. et al. Young adolescents' perceived activity space risk, peer networks, and substance use. *Health & Place*. 2015; 34(July): 143–149. DOI: 10.1016/j.healthplace.2015.04.005
12. Moran P., Coffey C., Romaniuk H., Degenhardt L., Borschmann R., Patton G.C. Substance use in adulthood following adolescent self-harm: a population-based cohort study. *Acta Psychiatrica Scandinavica*. 2015; 131(1): 61–68. <https://doi.org/10.1111/acps.12306>
13. Kaminer Y. et al. (ed.). Youth substance disorders. Washington (D.C.): American Psychiatric Pub, 2015: 133.
14. Yang X., Feldman M.W. A reversed gender pattern? A meta-analysis of gender differences in the prevalence of non-suicidal self-injurious behaviour among Chinese adolescents. *BMC Public Health*. 2018; 18 (1): 66. DOI: 10.1186/s12889-017-4614-z
15. Gratz K.L., Chapman A.L. The role of emotional responding and childhood maltreatment in the development and maintenance of deliberate self-harm among male undergraduates. *Psychology of Men & Masculinity*. 2007; 8: 1–14.
16. Bresin K., Schoenleber M. Gender differences in the prevalence of nonsuicidal self-injury: a meta-analysis. *Clinical Psychology Review*. 2015; 38: 55–64. doi: 10.1016/j.cpr.2015.02.009
17. Sornberger M.J., Heath N.L., Toste J., McLouth R. Nonsuicidal self-injury and gender: Patterns of prevalence, methods, and locations among adolescents. *Suicide and Life-Threatening Behavior*. 2012. 42 (3): 266–278. DOI: 10.1111/j.1943-278X.2012.0088.x
18. Польская Н.А. Феноменология и функции самоповреждающего поведения при нормативном и нарушенном психическом развитии: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2017: 423.
19. Попов Ю.В., Пичиков А.А. Суицидальное поведение у подростков. СПб.: СпецЛит, 2017: 366.
20. Усачева Е.М., Страхов С.И., Долгинов Д.М., Суходолова Г.Н., Шпрехер Б.Л. Социально-психологические аспекты самоотравлений бензодиазепинами у подростков. *Педиатрия. Журнал им. Г.Н. Сперанского*. 2004; 6: 72–73.
21. Whitlock J., Wyman P.A., Moore S.R. Connectedness and suicide prevention in adolescents: pathways and implications. *Suicide and Life-Threatening Behavior*. 2014; 44(3): 246–272 DOI: 10.1111/sltb.12071

Поступила в редакцию 01.02.2019

Утверждена к печати 8.04.2019

Григорьева Александрина Андреевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник отделения организации профилактической помощи в наркологии (SPIN-код 5868-9127, Researcher ID U-7400-2018, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5204-4887>).

✉ Григорьева Александрина Андреевна, alexandrina_gr@mail.ru

УДК 616.89-008.444-9:343.615.1:178.8:616.89-008.441.44-053.6

For citation: Grigorieva A.A. Characteristics of adolescents with risk of self-harm behavior and substance use. *Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry*. 2019; 2 (103): 32–40. [https://doi.org/10.26617/1810-3111-2019-2\(103\)-32-40](https://doi.org/10.26617/1810-3111-2019-2(103)-32-40)

Characteristics of adolescents with risk of self-harm behavior and substance use

Grigorieva A.A.

*Federal State Budgetary Institution "National Medical Research Center of Psychiatry named after V.P. Serbsky"
Ministry of Health of the Russian Federation
Kropotkinsky Lane 23, 119034, Moscow, Russian Federation*

ABSTRACT

The article presents epidemiological data reflecting the importance of the problem of autoaggressive behavior in adolescence. The main characteristics of self-injurious behavior of adolescents associated with the use of psychoactive substances obtained from empirical research conducted in secondary schools of the Moscow Region are considered. The aim of the study is to identify and characterize risk groups of adolescents with autoaggressive behavior. The study involved 2,085 students aged 10 to 18 years. On the basis of the data of univariate and multivariate analysis of variance significant differences in the characteristics of autoaggressive behavior of adolescents of different age groups were obtained. On the basis of statistical data gender characteristics of different types of self-injurious behavior in adolescents were distinguished. It was shown that risk of using psychoactive substances, as well as the manifestation of interest and/or awareness of adolescents in this topic were combined with an increase in the risks of self-injurious and suicidal behavior. Groups with risks of self-injurious, suicidal behaviour and substance use were identified. Differences in family history of adolescents at risk were shown. In every fifth family, adolescents at risk had different types of autoaggressive behavior, including: suicidal behavior, alcohol and drug use. The role of alcohol as a factor of self-injurious and suicidal behavior of adolescents was revealed. The significant role of use of psychoactive substances both among adolescents and among their parents was shown, which statistically significantly distinguished them from the norm group.

Keywords: self-injurious behavior, autoaggressive behavior, substance use, adolescents, suicidal risk, gender features, age features.

REFERENCES

1. Grigorieva A.A., Bulygina V.G., Afonina Yu.S. Vzaimosvyaz' samopovrezhdayushchego povedeniya i upotrebleniya psihoaktivnyh veshchestv podrostkami (literaturnyj obzor) [The relationship between self-harming behavior and substance use in adolescents (literature review)]. *Sibirskij vestnik psikiatrii i narkologii – Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry*. 2018; 4 (101): 98–104 [https://doi.org/10.26617/1810-3111-2018-4\(101\)-98-104](https://doi.org/10.26617/1810-3111-2018-4(101)-98-104) (in Russian).
2. Grigorieva A.A., Korchagina G.A. Suicidal'noe povedenie, sprovocirovannoe upotrebleniem psihoaktivnyh veshchestv [Suicidal behavior provoked by the use of psychoactive substances]. *Voprosy narkologii – Journal of Addiction Problems*. 2017; 6: 53–55 (in Russian).
3. Moran P., Coffey C., Romaniuk H., Degenhardt L., Borschmann R., Patton G.C. Substance use in adulthood following adolescent self-harm: a population-based cohort study. *Acta Psychiatr Scand*. 2015; 131(1): 61–68. <https://doi.org/10.1111/acps.12306>
4. Shustov D.I. Autoagressiya i samoubijstvo pri alkogol'noj zavisimosti: klinika i psihoterapiya. [Autoaggression and suicide in alcohol addiction: clinic and psychotherapy]. Saint-Petersburg: SpecLit, 2016: 207 (in Russian).
5. Kaminer Y. et al. (ed.). Youth substance disorders. Washington (D.C.): American Psychiatric Pub, 2015: 133.
6. Chapman A.L., Gratz K.L., Brown M.Z. Solving the puzzle of deliberate self-harm: The experiential avoidance model. *Behavior Research and Therapy*. 2006; 44(3): 371–394. <https://doi.org/10.1016/j.brat.2005.03.005>
7. Hilt L.M., Hilt L.M., Nock M.K., Lloyd-Richardson E.E., Prinstein M.J. Longitudinal study of nonsuicidal self-injury among young adolescents: Rates, correlates, and preliminary test of an interpersonal model. *The Journal of Early Adolescence*. 2008; 28(3): 455–469. <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0272431608316604>
8. Nock M.K., Joiner Jr.T.E., Gordon K.H., Lloyd-Richardson E., Prinstein M.J. Non-suicidal self-injury among adolescents: Diagnostic correlates and relation to suicide attempts. *Psychiatry Research*. 2006; 144(1): 65–72. [doi:10.1016/j.psychres.2006.05.010](https://doi.org/10.1016/j.psychres.2006.05.010)
9. Drozdckaya I.A. Rezul'taty issledovaniya po vyavleniyu urovnya deviacij sredi mladshih podrostkov obshcheobrazovatel'nyh shkol [The results of the study to identify the level of deviations among younger adolescents of secondary schools]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagog-*

- icheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 2011; 10(112): 157–161 (in Russian).
10. Fedorova N.N., Bolotnikov I.Yu. Epidemiologicheskoe issledovanie vrednyh privyчек u studentcheskoj molodezhi [Epidemiological study of bad habits among students]. *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Astrakhan State Technical University*. 2007; 1(36): 200–202. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/epidemiologicheskoe-issledovanie-vrednyh-privyчек-u-studentcheskoj-molodezhi> (date of treatment: 18.03.2019) (in Russian).
 11. Mason M., Mennis J., Way T. et al. Young adolescents' perceived activity space risk, peer networks, and substance use. *Health & Place*. 2015; 34(July): 143–149. DOI: 10.1016/j.healthplace.2015.04.005
 12. Moran P., Coffey C., Romaniuk H., Degenhardt L., Borschmann R., Patton G.C. Substance use in adulthood following adolescent self-harm: a population-based cohort study. *Acta Psychiatrica Scandinavica*. 2015; 131(1): 61–68. <https://doi.org/10.1111/acps.12306>
 13. Kaminer Y. et al. (ed.). Youth substance disorders. Washington (D.C.): American Psychiatric Pub, 2015: 133.
 14. Yang X., Feldman M.W. A reversed gender pattern? A meta-analysis of gender differences in the prevalence of non-suicidal self-injurious behaviour among Chinese adolescents. *BMC Public Health*. 2018; 18 (1): 66. DOI: 10.1186/s12889-017-4614-z
 15. Gratz K.L., Chapman A.L. The role of emotional responding and childhood maltreatment in the development and maintenance of deliberate self-harm among male undergraduates. *Psychology of Men & Masculinity*. 2007; 8: 1–14.
 16. Bresin K., Schoenleber M. Gender differences in the prevalence of nonsuicidal self-injury: a meta-analysis. *Clinical Psychology Review*. 2015; 38: 55–64. doi: 10.1016/j.cpr.2015.02.009
 17. Sornberger M.J., Heath N.L., Toste J., McLouth R. Nonsuicidal self-injury and gender: Patterns of prevalence, methods, and locations among adolescents. *Suicide and Life-Threatening Behavior*. 2012. 42 (3): 266–278. DOI: 10.1111/j.1943-278X.2012.00888.x
 18. Pol'skaya N.A. Fenomenologiya i funkcii samopovrezhdayushchego povedeniya pri normativnom i narushennom psihicheskom razvittii: dis. ... d-ra psihol. nauk [Phenomenology and function self-injuring behavior under normal and disturbed psychological development: thesis ... doctor of psychology]. Moscow, 2017: 423 (in Russian).
 19. Popov Yu.V., Pichikov A.A. Suicidal'noe povedenie u podrostkov [Suicidal behavior in adolescents]. Saint-Petersburg: SpecLit, 2017: 366 (in Russian).
 20. Usacheva E.M., Strahov S.I., Dolginov D.M., Suhodolova G.N., Shprekher B.L. Social'no-psihologicheskie aspekty samootravlenij benzodiazepinami u podrostkov [Socio-psychological aspects of self-poisoning with benzodiazepines in adolescents]. *Pediatrics. Zhurnal im. G.N. Speranskogo. Pediatrics – Journal named after G.N. Speransky*. 2004; 6: 72–73 (in Russian).
 21. Whitlock J., Wyman P.A., Moore S.R. Connectedness and suicide prevention in adolescents: pathways and implications. *Suicide and Life-Threatening Behavior*. 2014; 44(3): 246–272 DOI: 10.1111/sltb.12071

Received February 01.2019

Accepted April 08.2019

Grigorieva Alexandrina A., candidate of psychological sciences, senior researcher of the Department of Organization of Preventive Care in Narcology, National Research Center of Narcology-branch of “National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky” Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation (SPIN-code 5868-9127, Researcher ID U-7400-2018, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5204-4887>).

✉ Grigorieva Alexandrina A., alexandrina_gr@mail.ru